

Письма

Ю. П. Спегальский и О. К. Аршакуни — С. А. Цвылёву

1955 г.

18.01.1955

Дорогой Сергей Александрович!

Я уже начинал беспокоиться, что так долго нет от Вас вестей, как получил письмо, доставившее мне тройное удовольствие: это было не просто письмо, а ещё и матерное, т. е. такое, какие я обожаю.

Без греха нет человека, и я охотно соглашаюсь с Вами, что грехи тяжкие лени и уныния свойственны мне неотъемлемо. Избавиться от грехов этих я не надеюсь и не хочу. Грех бездеятельности и вялости — грех национальный русский, поэтому я считаю его украшением. Но кое в чём вы не совсем правы. Так, например, напрасно полагаете, что я должен спасаться в публичных библиотеках и архивах. Это, как теперь говорят, «не мой профиль». Не тем я должен заниматься, не к тому приспособлен, и, вообще, я ничем не занимаюсь для утешения своей души, а считаю, что надо либо делать то, что нужно, либо действительно лежать на диване и чихать на всё.

Не следует также торопиться с некоторыми вещами, в частности, например, с проектом для Л. А. чем позднее я его сделаю, тем он будет лучше, а пока он не очень ясно представляется мне вообще. Правда, вполне возможно, что я так до смерти и не успею сделать его — это будет означать только то, что я так и не оказался способным на это — ничего с этим не сделаешь. Мне кажется, что выдавливать из себя раньше времени нечто незрелое, хуже, чем ничего не сделать.

Точно также я думаю и о Пскове, т. е. о моём пребывании и работе в нём. Я согласен терпеть и ждать своей поры, если это поможет мне занять место, которое мне нужно. А если это окажется вообще невозможным, то, конечно, все мои ожидания могут оказаться напрасными, так что есть какой-то риск совсем не добиться ничего. Годы уходят очень быстро и можно так и сдохнуть в Ленинграде. Но скажите мне, чем можно помочь делу в этом отношении? Как заставить псковские власти предложить мне подходящее для меня место? Если бы была такая возможность, мы бы с О. К. переехали в Псков — можете в этом не сомневаться.

Работу о псковских жилых зданиях, т. е. рукопись и всё к ней относящееся, я сдал в декабре в издательство, но оно, видимо, собирается издавать её, «когда-нибудь, а, может быть, и раньше». Ваши кое-какие документы использовал. Один экземпляр рукописи есть у меня.

Буду ждать от Вас сообщения о потрясении в псковской «архитектуре», т. е. о сокращениях. От всего сердца желаю Вам уцелеть.

Погружаясь в глубокую дремоту, остаюсь уважающим Вас.

Ю. С.

27.01.1955

Дорогой Сергей Александрович!

Спешу выразить Вам сочувствие по поводу Вашего обращения в вольные казаки! Очень жаль, что Вы не будете в отделе, но надеюсь, что это будет временным явлением.

Письмо Ваше никакого удовольствия мне не доставило, т. к. без матерщины ругательство не люблю, а Вы всё интересное адресовали Жуку, а для меня оставили только одно неприятное. Ладно, Вы от меня на сей раз никакой матерщины тоже не увидите, раз так.

От лени никогда не откажусь, хоть Вы из кожи вылезете, доказывая мне её вред, а так же не свойственность этого качества русскому народу.

Вы, видимо, просто не понимаете, что лень являлась источником величайших достижений человечества.

Если Вас привлекают архивы, то это совсем не значит, что я тоже должен блаженствовать в них, отказавшись от того, что нужно именно мне и никому другому.

Жаль, что Вы отказались от меня, т. к. я как раз собирался просить Вас: не сможете ли Вы найти у себя что-либо по истории церкви Николы на Усохе, о которой я начал писать. У меня утеряны листы из пояснительной записки к проекту её реставрации и, в их числе, как раз листы с данными о её истории. Что есть в летописях, я извлёк, но это ещё не всё, что можно собрать. Но раз так, то не смею ожидать чего-либо. То, что я уже использовал из Ваших находок в будущей книге, переданной в издательство, я уже не смогу извлечь обратно, и оно там останется (вместе с приличествующей благодарностью Вам).

Три небольших новых работы, в том числе та, на которую я таинственно намекал Вам летом, я уже закончил, и теперь берегитесь, свирепый мой противник, я Вам могу доставить немало неприятных минут, если мы встретимся!

Кстати, написаны эти новые три статейки вполне «рассудку вопреки», что сказалось на иллюстративной части, несколько недоделанной.

А. В. Бунина не знаю, но нахожу, что не имеет никакого смысла с ним связываться — пусть занимается своим делом, люди они грамотные. Насчёт экспедиции ИИМК-а узнаю, но не питаю надежду, что это мне поможет.

Вот пока и всё, ибо слов добавочных, возникающих в моём уме, не пишу в силу обещания, данного на первой странице.

Ю. С.

2.2. 1955

Номера утерянных страниц пояснительной записки: 6, 7, 18, 34. думаю, что там всё же мало материалов по истории Николы на Усохе. Тексты летописи не переписывайте, а сообщите лишь место их в ПСРП (том и страницу, год).

Мои дела идут по-прежнему — помаленьку дремлю, ничего нового пока нет. Просил командировки в Москву (там хотел поговорить о работе в Пскове), но начальство не пускает — знает, что я, сколько меня не корми, в лес смотрю, а отпускать почему-то не хочет.

О. К. отдыхала в Зеленогорске, только вчера приехала, и я читал ей Ваши письма. Правляйтесь, Сергей Александрович! Пишите, как Ваше здоровье!

Ю. С.

25.2.1955

Дорогой Сергей Александрович!

Очень благодарю за присланные выдержки, за внимание, оказанное мне! Статью о Николе со Усохи пишу помаленьку, подпольным образом. Хуже обстоит дело с чертежами, которые нужно сделать к этой статье. На службе теперь мне строго запретили заниматься

Псковом и следят за мной, не спуская глаз, так что рисовать или чертить что-либо псковское нет никакой возможности.

Пока неизвестно, что будет с нашим учреждением, возможны всякие вещи — реорганизация и полная ликвидация. Никакого плана работы и распределения обязанностей нет, поэтому можно было бы целые дни просиживать над псковской работой. Именно поэтому бдительное начальство и следит так рьяно, чтобы чего-либо не делали (или я один не делал???) неподобающего.

Сидя 8 часов без дела, устаёшь намного больше, чем за работой. В издательстве тоже полнейший столбняк и туман. Пока что от издания работ, связанных с историей архитектуры, воздерживаются и ждут откуда-то указания по сему поводу, причём ждут указания о ненужности издания работ по истории, но не наоборот.

Короче говоря, вероятно, моя книжка не будет издаваться, и Вам не грозит преподнесение экземпляра от автора с обязательством прочесть его.

Рад, что Вы поправляетесь, что «на перо не дают пока». А о том, что будет дальше, никто из нас не знает, так что об этом нечего и волноваться.

Не думаете побывать в Ленинграде? Я не знаю, когда получу отпуск. Мне кажется, что если нас не разгонят (против чего я ничего не имею), то отпуск мне дадут в месяце ноябре или декабре (начальство ведь знает о том, что я хочу летом, хоть во время отпуска побывать в Пскове и поездить на машине, а если можно сделать какую-то пакость, оно не упустит такой возможности).

Ю. С.

10.5.1955

*Дорогой Сергей Александрович!
Письмо Ваше получил, спасибо!*

Вам письмо было написано сразу же, как я вернулся из Пскова. Там я описал свои переговоры с Раппопортом, описал альбом литографий, хранящихся в библиотеке Ленфильма А. А. и т. д., но сразу письмо не опустил. А через дня три по возвращении в наш град пресветлый, я опять впал в такую хандру, что ожидать от меня, чтобы я опустил письмо в почтовый ящик было бы излишним, совсем нереальным оптимизмом.

Так оно где-то в моих карманах и провалялось, а теперь я его уже не нахожу почему-то.

На сей раз пишу, потому что хочется обругать Вас матерно за то, что вы всё не оставляете меня в покое насчёт архивов, «извлечь» из которых что-то я не желаю.

Совсем мне не до архивов, да и не от меня это зависит. Ларкин на все мои предложения пока не ответил ничего — ни отказа, ни приказа, вообще ни звука. Интересно было бы узнать, что он думает по поводу моего возвращения в Псков?

Присланные Вами данные по Ямскому в высшей степени интересны. С первым документом я знаком и ссылаюсь на него в своей работе о псковской жилой каменной архитектуре. Если бы Вам не удавалось так счастливо избегать её прочтения, Вы бы нашли там ссылку на эту поступную. А второй документ мне не был известен. Схема ваша, по-моему, правильна. Нанести план палат в масштабе я могу и постараюсь сделать это поскорее (т. е. до приезда в Псков). Напишите, нужна ли Вам копия изображения Пскова с иконы из Печёр?

13.5.1955

Нашёл старое письмо, измятое и затёртое. Делаю из него извлечения, т. к. посылать его в таком виде нельзя. Про альбом литографий — там изображены: Богоявление с Запсковья, Козьма и Д. с Гремячей горы и Гремячая башня (один рисунок), Георгий со Взвоза, Сергей с Лужи, Варлаам, Иоаким и Анна, Новое Вознесенье и Василий с Горки.

Литографии знакомые, мальчишкой я их встречал в каком-то издании, но в каком — по древности лет запамятовал. Принадлежал альбом М. В. Красовскому. Шифр его: В — 505,

рисунки довольно хороши — т. е. довольно грамотно передающие пропорции, перспективу и детали. В смысле художественном — довольно приятные, чему не мало способствует окрестная подкладка. Про Раппопорта — он заинтересовался тем, что я ему рассказал о Псковских раскопах стен, но... по плану его работы он просто не сможет раньше как через года три не только наблюдать за Псковом, но даже не сможет бывать там, так как на эти три года темой его работы будут крепости, относящиеся к более раннему времени. Комментарии излишни. Моя просьба к Вам — не имеете ли Вы каких-либо сведений или материалов о воротах монастырских и церковных оград в старинном Пскове и если имеете, не хотите ли поделиться?

Вот и всё существенное, что содержалось в моём неотправленном письме, которое было датировано 13 апреля, т. е. пролежало ровно месяц в кармане.

Ю. С.

23.5.1955

Сергей Александрович!

О породах псковской плиты я, конечно, знаю очень мало, так как, само собой разумеется, собирался этим вопросом заняться серьёзно..., но пока что не нашёл для этого возможности... В литературе или в архивах по этому поводу ничего не найдёшь — этот вопрос надо изучать на каменоломнях и, притом, пользуясь консультацией опытного плитолома, хорошо знающего названия разнообразных пород плиты и их свойства.

Я этим собирался заняться в 1946 году, тогда мне удалось привлечь в нашу реставрационную мастерскую Чухнова — великолепного плитотёса и плитолома, всю жизнь занимающегося плитой.

После моего удаления из мастерской его почему-то уволили (впрочем, не «почему-то» — после этого ему действительно нечего было там делать). Жил он в Овсицах.

Если будем живы здоровы и будем на «минотавре» в Пскове — посетим Овсищи, а если найдём Чухнова — попытаемся поговорить с ним и попробуем прогуляться на плитолом (хотя бы и заброшенный).

Что-же я знаю всё-таки по плите? Знаю плиту дикую и серо-дикую. Первая плита очень прочна — она не впитывает влагу и не боится мороза. Именно по этой причине из неё сложены все нижние этажи Паганкиных палат (и их своды). Почти целиком из этой плиты сложены первые палаты Меньшиковых («дом Сутоцкого»). Плита эта тёмного цвета и, как правило, слои её нетолсты, хотя иногда и достигают до 25 см. (редко). Эта плита — великолепный материал для облицовки стен, подвергающихся атмосферным воздействиям. Серо-дикая плита более слабая и способна расслаиваться, однако, несравненно прочнее белой плиты.

Белая плита — это как раз та, которую мы видели заготовленной для облицовки в Довмонотовом городе в последнюю нашу встречу. Она сравнительно мягка и легко тянется, пористая, и по причине пористости, сравнительно легко разрушается от сырости и мороза и в то-же время менее теплопроводна, чем дикая плита — плотная и тяжёлая.

Потому, например, все верхние этажи Паганкиных палат сложены из белой плиты, как менее теплопроводной (а сырость верхним этажам так не угрожает). Белая плита имеет разновидности — в частности одна из них — ступенная плита. Троицкий собор сложен из белой плиты (по крайней мере верх его). Для облицовки крепостных стен, особенно их нижних частей — белая плита негодна — она слишком быстро разрушится.

«Белую» плиту нужно отличать от других пород, также имеющих светло-серый цвет, но отличающихся совсем другим строением, другой плотностью. Беленькая плита — тоже светлая, но очень равномерного строения, мелко-пористая и чрезвычайно мягкая. Выламывается она необычайно ровными пластами, толщиной 10–12–25 см. в сухом месте эта плита может сохраняться сотни лет (на «доме Яковлева», например), а от воздействия сырости (особенно в сочетании с морозом) — расслаивается и распадается. Также бела и плита «бык», отличающаяся очень большой плотностью и прочностью. Это известняк плотный, тяжёлый, мел-

козернистый, очень крепкий. Мороза он не боится, сырости тоже. Толщина его — см. 50–70. Распространённость его (как и «беленькой плиты») не очень велика. Есть ещё плита такая-же плотная, но очень крупно-зернистая, кристаллического строения, залегающая пластами различной толщины — от 4–5 см. до 25 см. Она хорошо окальвается — скол её напоминает сахар или мрамор, не худо тянется. По её сопротивляемости воздействию влаги и мороза — это, пожалуй лучшая из пород плиты. Из этой плиты сложены некоторые части Порховской крепости, относящейся к XIV веку — и эти части сохранились до сих пор превосходно!

Названия этой плиты я, к сожалению не знаю. Очень часто она шла на тёсаный цоколь (в XIX–XX вв.). Этот драгоценный материал, к сожалению, не очень часто встречается.

Ещё есть плита ОПОКА, обладающая свойством разлетаться с треском во все стороны от действия огня — она попадает довольно редко и представляет собою среднего качества материал. Попадают тоже не часто — песчаники, которые, вообще, стойки и годятся на облицовку ответственных частей, например, низа стен.

Это, пожалуй, наиболее распространённые и имеющие практическое значение породы. Есть и другие, некоторые из которых я не знаю и как называются. Из них «калашник» — ну куда не годная плита, которая, где бы она не была, рассыпется через несколько лет в горох. Есть и довольно прочные и стойкие породы, но, поскольку они попадают редко, они не имеют большого значения для целей реставрации.

Вообще же как правило, для облицовки плохо защищённых от сырости стен и для кладки их внутренней части (по крайней мере хотя бы фундаментов и нижних частей стен — на 1,5–2 метра от уровня земли) нужно отбирать плиту тяжёлую, плотную, с ясно выраженным кристаллическим строением. Плита с вкраплениями всякого рода — хуже, но бывает всё же довольно выносливой.

Не годится плита мягкая, с пустотами, пористая, расслаивающаяся, чешуйчатого строения, лёгкая — т. е. именно такая которая заготавливалась для реставрации Довмонтова города. Насколько мне известно, плиту хорошо знают строители Эстонии. Я думаю это в Таллине должны быть большие знатоки этого материала, не знаю лишь где их следует искать.

Но, думаю что для псковских расстерваторов нет смысла углубляться в такие «несерьёзные» вопросы, а чем скорее расстервация отвалится — тем лучше. Вообще же меня берёт сомнение в том, что расстервация Кремля будет выполнена, почему-то кажется что до конца это дело не будет доделано.

Очень прошу не сердчать на меня, убогого человека!

Ю. С.

26.5.1955

Ну и удовольствие же доставили Вы мне, несчастному смерду, присланными выдержками из Хамцовских материалов!!! Первое время (вчера вечером) я просто испытывал блаженство, как будто бы попал на седьмое небо, сегодня с утра начал думать над этим материалом. Конечно, Приказная палата была особой постройкой, отличающейся от других, к тому-же и построена она была по московскому чертежу. Но, с другой стороны, тогдашние чертежи — не теперешние, где изображён каждый гвоздь. Тогдашние проекты представляли собою, в сущности, лишь схему сооружения. Поэтому в деталях и некоторых приёмах Приказная палата, без сомнения, должна была носить псковские местные черты. В связи с этим я думаю что, пожалуй, роспись деревянной балюстрады на крыше — может быть отражает псковский обычай расписывать некоторые части деревянных конструкций, например — наличников, ставень, подзоров.

Что меня сразу поразило — это роспись сводов внутри!! Возможно, однако, что от неё ничего уже не осталось. Вход в палату, с иконой Спаса и резными плитами по бокам, украшенными позолотой (и, без сомнения, красками, о которых писец не упомянул) я прямо-таки увидел. Конечно, я теперь нарисую хотя бы главный фасад этого здания. У меня, к счастью,

есть его обмер, сделанный году в 49–50-м. насчет того что может быть перепады в боковых нишах осталось на Приказных палатах не обольщайтесь — их там нет. Очень хорошо что Педрилина расстервация отваливается, не худо-бы чтобы и тоновская обвалилась (хотя на это надежда слабая), но это было бы хорошо если бы была надежда на то, что вместо их возникнет хорошая реставрация. А на это, нет пока надежды. С уходом Педриллы ещё ничего не улучшилось. Одного этого мало. Мне кажется, что следовало бы и Вам и другим «болельщикам» за Псковскую старину проявить активность даже и в отношении моего приятия в псковское подданство. А. А. Ларкин теперь «персона грата» и посему держит себя осторожно и ходит на задних лапках, опасаясь сказать что-либо лишнее. Археологам нельзя разрешать такой вопрос, как реставрация Кремля — это вопрос широкой компетенции, а они могут смотреть лишь с своей точки зрения. Монгайт своими обращениями к Грабарю и не только к Грабарю (это может быть) может очень испортить дело, которое, нужно сказать (не касаясь вопроса о исполнителях реставрации) началось удивительно удачно. Но удачное начало — это только начало, его можно свести к нулю и даже к отрицательной величине неудачным продолжением. Мне кажется, что наделанных псковской реставрационной мастерской ошибок уже достаточно для того, чтобы поднять вопрос о том, что дальше так вести работы нельзя — что их нужно обеспечить квалифицированным честным руководством. Конечно, ни к чему хорошему не приведёт реставрация под «руководством» нынешних псковских столпов этого дела. Об этом-бы следовало писать и Грабарю и, опять таки, не только Грабарю.

Ларкин мне на моё письмо просто-напросто не отвечает. Они хотят отмолчаться. В начале июня мы думаем побывать в Москве и я попробую там что-то сделать в отношении своего продвижения в Псков. Но, мне кажется, не очень хорошо всё это выглядит: я везде напрашиваюсь на то, чтобы меня приняли в Псков, а Псков молчит и не желает говорить обо мне. Выходит, что я хлопочу о какой-то своей собственной выгоде, Пскову я не нужен и даже вреден. При таком положении даже тот-же Грабарь, если я обращаюсь к нему, ничего не захочет делать. Наконец, Грабарь Грабарём, и есть ещё Управление по делам архитектуры при С. М. РСФСР (начальник его К. К. Лагутин), которое обязано прислушаться к тревожным сигналам с места. Если в Пскове есть Терентьев, то в Москве есть Ц. К. партии. Но на меня они посмотрят как на прохвоста, который хочет куда-то там пролезть, если им не разъяснить дела и не обратить их внимание на истинное положение. Я этого сделать не могу. Теперь я уже сам, кажется, начинаю чувствовать себя каким-то неполноценным человеком, изгоем, чуть-ли не последним подлецом — за то, что 9 лет назад пожаловался на псковскую пьяную компанию; начинаю уже подумывать о том, что, вероятно, именно так и следует вести себя как Романовы, и прочие, а не так как я тогда себя вёл, что они — хорошие люди, а я подлец и отщепенец.

Пока я окончательно не плюну на Псков, я всё время буду себя чувствовать так, если этот вопрос не решится положительно, наконец, для меня и Пскова.

Какая польза будет от того что я окончательно откажусь от Пскова — судите сами.

Бью челом и благодарствую за присланный материал!!!

Недостойный: Ю. С.

О. К. тоже с большим интересом прослушала материал о Приказной палате и выражает желание, чтобы я исполнил настоящий чертёж её фасада. Отпуск мой намечен на июль месяц — следовательно, раньше я в Псков попасть не смогу.

Ещё раз кланяюсь!! Ю. С.

21.6.1955

Дорогой Сергей Александрович!

Нарисовал для Вашего утешения Приказную палату — наспех, конечно, что делать! Если когда и приходится делать что-либо полезное — то только наспех, зато бездельничаем мы не спеша, основательно, обоснованно, «в плясовом порядке», с сознанием важности свое-

го безделья — ведь за это как платят деньги, числят нас на «научной работе», «государственной работе» и т. д. если когда-нибудь найду возможность — изображу палату эту как следует, отмою и раскрашу.

Всё-же, надо сказать, она не была красивейшим зданием Пскова — такие дома, как дома Трубинских, Ямского и ряд других жилых зданий были гораздо интереснее в художественном отношении. Прошу Вас не показывать моего наброска никому — пусть московские светила (в том числе и Хамцов) сами работают над своими проектами, а то Целиков повторив мой эскиз реставрации Одигитрии выдал его за свой. Псковские деятели тоже присвоили ряд моих проектов. Меня это не обижает и не трогает — я не обеднею от этого, но считаю всё-же, что не нужно давать повода для плагиата, если можно.

В ближайшие дни в Пскове должен побывать Серёгин. Он обещал поговорить с псковскими деятелями обо мне. Если увидите его, передайте ему от меня что Мстиславскую башню повредили и привели в угрожающее состояние именно работники электростанции — попросту говоря они обрушили её с одной стороны. Теперь они только продолжают давно начатое ими дело. На их территорию нельзя никому ходить и «сохранность» башни — их дело. Необходимо добиться её полной реставрации (также, кстати говоря, как и Одигитрии). Расширять электростанцию можно в другом направлении, если даже согласиться с её расширением. Скажите ему что Мстиславская башня — XIV века, т. е. памятник уникальный (по исследованиям Раппопорта Изборские укрепления не относятся к XIV веку, а реконструированы в XV–XIV вв.).

Когда мы были в Москве, я говорил с Н. Н. Ворониным и выяснил что мог-бы напечатать кое-что из своих работ. Особенно мне хотелось-бы напечатать статью о церквях Козьмы и Домиана с Примостья и Варлаама на Званице. Тема эта очень и очень интересная — подводит к совершенно новому представлению о развитии псковской церковной архитектуры XV и XVI веков.

Было-бы очень важно как можно скорее огласить мои наблюдения — это предотвратило бы некоторые неверные выводы, появляющиеся в новых работах (в частности в И. Р. И., повторённое потом Масленниковой). Почему я Вам воплю об этом? Потому что хотел попросить Вас каким-нибудь хитрым способом узнать есть-ли возможность проникнуть на чердак церкви Варлаама (для чего необходимо вскрывать крышу — это дело и заделку крыши я, конечно, возьму на себя). А если-бы они делали ремонт церкви — можно-бы было сделать и наружные (очень небольшую расчистку штукатурки).

Это дало-бы возможность закончить очень нужную статью, которую можно было-бы издать на пользу науки.

Когда мы сможем быть в Пскове — не знаю. Правда, у нас взяты путёвки в дом отдыха на начало (кажется вторую декаду) июля — но не знаю как отпустят с «работы». У нашего начальства столько изобретается поводов для разных издевательств, что едва-ли оно воздержится от издеательства, повод к которому сам предоставляется, и изобретать его не надо. Если-же поиздевавшись начальство даст всё-же отпуск в июле — тогда обязательно после дома отдыха, который займёт дней десять, поедем в Псков. О. К. проектирует поездку в Псков через Ивангород, Нарву, Таллин, Ригу, Печеры и Изборск. Это тоже, конечно, займёт время.

Но я думаю, что если откроется возможность что-то сделать с обследованием Варлаама, вернее говоря, если его будут ремонтировать — мне надо не упустить такую возможность и взяв отпуск на несколько дней ехать сразу-же.

А когда-же Ваш отпуск? Ведь Вы, вероятно, во время отпуска посетите Ленинград. Не может случиться так, что мы разъедемся? Это было-бы очень досадно.

Относительно «личного письма»: как известно иконописцы до самого последнего времени сохраняли деление живописной работы на писание ликов и писание «долични» — т. е. всего остального. Ясно что в росписи потолков «долични» — т. е. разные «травы» (фрагмент) и т. п. ценилось менее и требовало меньшего искусства чем «личное» письмо — т. е. изображение ликов. Поэтому и написано в описании Приказной палаты с такой торжественностью, что она украшена личным письмом, хотя, конечно, лики занимали небольшую часть росписи, а остальное было занято доличным — т. е. «каймами», «облаками», «звёздами» и т. д.

Были-ли святые изображены в рост или поясно — как мне кажется, нет возможности догадаться. Во всяком случае «ризы» их упоминаются в описании. Видимо, святые были расположены по стенам, на вертикальных плоскостях, а на сводах были облака и звёзды с каймами по краям распалубок.

Теперь попробую подумать над реконструкцией «амбара» для пищалей — может быть это и получится.

Прошу не обижаться за спешный и х...й рисунок!

Ю. С.

Как-нибудь потом сделаю ещё и боковой фасад Прик. Пал. Этот рисунок сделан по обмеру, так что даёт почти точные размеры.

2.7.1955

*Сергей Александрович!
Милейший государь!*

Относительно Давида?! Никакие Тевтонцы и никуда его не таскали. Вы, просто, не поняли моей иронии?! Есть опасные признаки наступающего старческого маразма, о чём наглядно свидетельствует неблагоприятного вида клякса, а рядом с нею прожжённое место!

Остаюсь в глубоком почтении к Вам.

О. К. А.

9.7.1955

Дорогой Сергей Александрович!

Очень большое спасибо за внимание ко мне, смерду окаянному, псу и сучину сыну! Постройки Зеленина — очень интересны и сразу я не могу даже разобраться в них. Если что выйдет — нарисую их и для Вас.

Если пришлёте мне описание Караулки у Власьевских ворот — попробую изобразить и её. К сожалению, как и всегда, я поддался настояниям О. К. (как всегда не умеренным) и согласился поехать с нею в дом отдыха в Зеленогорск на 9 дней.

Уезжаем завтра, пробудем там до 19-го. Девятнадцатого должны выехать в Псков, но не прямой дорогой через Лугу, а вокруг — через Таллин (через Лугу дорога непроезжая). Это значит, что не менее трёх дней уйдет на дорогу. А, кроме того, возможно, потребуется провести день-два в Печерах (у моей тётки).

Обратно ехать, конечно, придётся опять через Таллин. Т. о. на Псков останется времени очень мало. Рисунок Хамцева мне не очень понравился — он слишком сух, я-бы сказал бесчувственен, Троицкий собор сделан гораздо хуже, чем в действительности, колокольница тяжела и много других недостатков, происходящих от непрочувствованности и спешки. Впрочем, всё это может быть справедливым лишь в том случае, если это вполне законченное и окончательное произведение (как я его и понимаю), а если это только набросок эскиз — тогда беру свои слова обратно, ибо для эскиза можно простить многие грехи.

Пока мы не распростились с Ленинградом окончательно, т. е. до 19 числа, пишите, ежели что вздумаете. Вонючего Рокфора Вашего нигде пока нет, возможно его придётся заменить чем-либо. Можно писать нам и на следующий адрес: Зеленогорск (курортный район Ленинградской области) Келломянская ул. д. 10. Дом отдыха архитекторов. Будем там до 13-го включительно, 19-го будем в Л-де.

Если удастся, постараюсь сделать Л. А. Творогову проект, хотя я и недоволен всё ещё тем, что до сих пор удалось наметить.

Постараюсь захватить на сей раз свои рукописи в Псков, показать Вам.

Ваш: *Ю. С.*

25.7.1955

Боярину милостивому нашему Сергею Александровичу холопчишка худой Ягорка челом бьёт!

Яз, худой и ... человечиска с тоски изныл и вовсе истощал не получаючи грамоток премудрых от тебя, милостивый боярин наш!

Смилуйся и отпиши холопчишке твоему ... человечишку, милостивые твои словеса и всякие премудрости и худеса скопские и всякие вести — кто какие пакости чинит в граде Пскове, и сколько чего порушилось и обвалилось кладки со стен и всякого городского строения, и сколько холопов всяких повычерпал псковский экскаватор и какие еще ... дела во Пскове творятся, и сколько их ещё надумали псковские бояре сотворити!

Яз, несчастный смерд и сна лишился не зная и не ведая какие ещё раскопки бояре скопские творят и что сокушают над землею и под землею и во граде и окрест и около. И от того бессонья и отошшанья погибнуть мне и иссохнуть и вовсе издохнуть придётся, ежели ты боярин наш милостивый не отпишешь!

25.7.1955

Ю. С.

1.9.1955

Сергей Александрович!

Только теперь получил я фото с рисунков Мартынова, находящихся в архиве МАИ. Пришли мне: рисунок Пантелеймонова монастыря. Церковь на нём изображена очень общо, никаких деталей нет.

Три рисунка с палат Ямского: один изображает дворовый фасад. Видимо, он сделан по наброску потом уже (дома) и потому имеет ряд неточностей. Другой изображает внутренность крыльца, а третий — самый интересный — внутренний вид одной из Палат.

Более всего меня порадовал пятый (и последний) рисунок — изображающий главный дворовый фасад дома Подзноевых.

Дело в том, что этот дом меня всегда очень интересовал — он оригинален по архитектуре, непохож на другие, и в то-же время загадочен. Ещё когда я был мальчишкой, он сохранял часть крыльца с двумя большими проёмами, но я не записывал и не обмерил эту часть крыльца, а потом она была сломана.

Меня очень мучило что эта сломанная часть пропала бесследно (как я думал) и я всегда ломал себе голову — как восстановить в памяти эту часть дома. И вдруг вижу то, о чём даже не мечтал: рисунок, на котором изображена не только эта часть, но даже гораздо больше. Правда, все это далеко не в первоначальном виде, а сильно переделано, но всё-же здесь как-раз нарисовано то, что в настоящее время уже не существует. Это обстоятельство позволяет надеяться, что при тщательном исследовании оставшихся ещё частей здания его можно реставрировать — конечно, если это вообще может быть позволено!

Получил Ваше интересное письмо, более всего понравилось описание деятельности псковского «кватора». Не плохо подмечено! Относительно Покровской башни: моё участие в её подправке было довольно эпизодическое — в том смысле, что объём и характер этой работы были установлены без моего участия, точно также без моего участия (до моего приезда) был заготовлен материал — не особенно пригодный для этой цели. Всё это привело к тому, что я и не думал серьёзно смотреть на эту работу — это был незначительный ремонт, от которого никаких откровений в области исследования башни и никаких результатов в смысле реставрации я не ждал и не добивался. Если бы я сам начинал реставрацию этой башни, то начал-бы с заготовки соответствующего (т. е. очень большого) количества плиты для облицовки. Эта плита должна быть:

Дикой — т. е. очень прочной, не боящейся атмосферных влияний.

По возможности более тёмной (чтобы быть ближе по цвету к старым частям, которые должны быть обнажены).

Крупной. Это очень важно — теперь ведь плиту разбивают на очень мелкие части, чтобы легче было её ворочить, но в старину клали очень крупные плиты и это придавало кладке, понятно, совсем иной характер. Мне кажется, что если теперь рабочие не те, что в старину и им не поднять старинные камни, то на подмогу нужно призвать нашу механизацию.

Потом я-бы постарался поставить работу как полную реставрацию башни, так как это вид работы, который позволяет наиболее полно провести исследовательские работы, обнаружить всё сохранившееся, и придать наибольшую законченность вновь возводимому.

Обнажение нижней части башни должно дать точное её очертание в плане, а так-же и показать степень отвесности (или наклона) её стен — т. е. те данные, которые вполне достаточны для определения её внешнего объёма и формы. (Мне кажется, что башня не была совершенно круглой — но это надо проверить). Всё остальное может дать изучение оставшегося в натуре, а также имеющегося изобразительного материала. Очень любопытной и поучительной была тройная арка входа в башню со стены со стороны церкви — от неё не осталось почти совсем ничего, нужно искать старые фотографии её — так как это была одна из своего рода достопримечательностей Покровской башни и восстановить её нужно как следует. Правда, без особого вмешательства в это дело херовским каменщикам, работающим в реставрационной мастерской не сделать это как следует вмешаться и организовать это дело. Что я могу ещё посоветовать?

Сделать эту работу так, чтобы облицовка не отваливалась! Для этого необходимо, во первых, основывать облицовку всегда на крепком основании и делать это основание широким.

Не нужно стесняться вырубить старую кладку, хотя бы она и была очень крепкой, для устройства основания под новую облицовку — от этого будет зависеть прочность всей облицовки и, следовательно сохранность всей башни — так что нечего учёным реставраторам жалеть старую кладку, которой видно всё равно не будет, а каменщикам жалеть свои руки.

В дальнейшем, ведя облицовку выше необходимо не забывать о перевязке со старой кладкой. Для этого, время от времени нужно т. Сказать «вгрызаться» в старую кладку. Делать штрабы предварительно не следует — этим можно повредить и расстроить кладку там где не нужно её трогать.

Нужно делать это так: когда кладка дойдёт до места, где нужно сделать перевязку с старой кладкой, кладку нужно приостановить. Затем нужно вырубить в старой кладке необходимой глубины борозду, сделав её снизу горизонтальной (или с небольшим уклоном вглубь, но не наружу) после этого нужно старую кладку хорошо промыть водой. Затем кладка ведётся дальше, причём борозда закладывается широкими и длинными плитами с хорошей их перевязкой. Нужно следить за хорошим заполнением швов этой кладки раствором.

«Связывать» новую кладку со старой железными связями я считаю бесполезным, иногда-же даже вредным. Кроме того, обычно, эти связи, делаясь «для вида», портят вид. Если в старой кладке имеются глубокие каналы от выгнивших деревянных связей, то можно воспользоваться для связи этими каналами, закладывая в них стальную арматуру и заливая их под давлением жидким подвижным литым бетоном с достаточно мелким гравием, или-же просто цементным раствором. Это я не применял, но думаю что применить такой способ можно, конечно, как добавление к вышеописанным штрафам, а не замену их.

Теперь о растворе новой кладки: безусловно вредным является применение цементного раствора, который препятствуя испарению влаги из старой кладки наружу будет способствовать быстрому разрушению старой кладки.

Разница в жёсткости растворов кладки старой и новой не будет способствовать сохранности их связи. Всё это приводит, рано или поздно, к нарушению связи, отпадению новой облицовки и разопреванию старой кладки. Раствор должен быть известковым, но для того, чтобы он не дал слишком большой осадки и обладал достаточной прочностью к нему полезно

добавлять небольшое количество цемента — настолько небольшое чтобы высохший раствор был вполне воздухопроницаем.

Для того, чтобы избежать излишней осадки новой кладки нужно следить за тем, чтобы постельные (т. е. горизонтальные) швы не были-бы излишне толстыми, а ещё лучше — чтобы раствор лишь заполнял неровности и впадины между плитами, но плиты упирались-бы одна в другую. Ясно, что для этого нужен хороший глаз на работе и достаточная муштровка каменщиков (нужно чтобы они были уверены в том, что если они схалтурят — то халтура непременно будет обнаружена и кладка сломана и им придётся делать её вновь).

В отношении кладки бойниц, дверей и прочих проёмов — могу с полной уверенностью Вам сказать, что если дать каменщикам самые лучшие и точные рабочие чертежи (которых, кстати говоря, не будет, да и не нужны они) то, если дать им самостоятельно выполнять все это (как ныне это ведётся) то всё будет перевернуто. В особенности они не умеют сделать пяты арок и перемычек и начинать их первые ряды. Такие вещи как рисунок для арок, даже оттезка их и кладка первых рядов перемычек я всегда делал собственноручно, во всяком случае до тех пор, пока каменщики не усваивали твёрдо эти приёмы — после этого было достаточно лишь хорошего наблюдения за ними.

Но усваивают они это не сразу.

Успех реставрации в конечном счёте будет немало зависеть от всех этих «мелочей», а не только от хорошо поставленного сбора материалов, точности исследования памятника и высокого качества проекта. Полная реставрация Покровской башни представляет большие трудности потому что не существует уже давно её верхнего яруса, который, однако, необходимо восстановить — иначе основные пропорции и размеры башни не будут отвечать её действительным, первоначальным — т. е. будет вранье, фантазия реставратора (к сожалению, таких фантазий у нас много появляется). Но материал всё-же есть для такой реставрации как мне кажется, достаточный и можно избежать недоделанности реставрации и искажения памятника — если, понятно, сделать и этот верхний ярус хорошо.

Я считаю что нам нужно стремиться к полной реставрации — т. е. к восстановлению крыши (со всеми её акёрами — переломом и смотрильней с прапором) и перекрытий и междуэтажных лестниц.

Пусть башню используют под склады какой-либо мануфактуры или чего-либо сухого и не грязного — от этого она не сильно пострадает, но (повторяю свою прежнюю мысль), полная реставрация башен Окольного города может потянуть за собой сохранение стен, что, конечно, является нашей общей мечтой. Повторяю что об этом лучше помолчать, но добиваться того чтобы де-факто были бы восстановлены башни и слухи — в таком случае о стенах уже легко было-бы поднимать вопрос.

Найти деревянные балки для перекрытий и крыши Покровской башни в наше время да ещё в Пскове — вещь, конечно, немислимая, значит балки нужно сделать железобетонные, может быть даже оклеив их тонким слоем дерева (теперь делают фанеру в пол-миллиметра или даже ещё тоньше). Внутренние настилы можно сделать деревянные, кровлю-же может быть из асбоцементных или железобетонных «досок».

Теперь насчёт Чухновских дел: мне кажется для доказательности следовало-бы к испытаниям дикаря и каляника и прочих Чухновских диких плит провести те-же испытания на морозостойкость и механическую прочность также и Рододендроновской изборской белой сухой плиты — в таком случае картина будет совершенно ясная.

«Барыня» к Вам относится вполне благосклонно, ибо высказала предложение такое: не послать-ли Вам приглашение взять Вас на прокормление и содержание безвозмездное, с тем чтобы на съэкономленные таким образом средства Вы могли-бы оплатить дорогу в Питер и пожить у нас. Но, видимо, отпуск Ваш проходит, так что не знаю — сможете-ли Вы воспользоваться предложением моей государыни-матушки, а если и сможете на день-другой то даст-ли это требуемую экономию.

Думаю, что для экономии в 100 рублей Вас надо содержать не менее месяца. Так ли это?

Я был-бы рад псковскому человеку! У нас в хулиале А. А. всё та-же бесполезная канитель. Ожидается смена начальства, но никаких последствий это не принесёт. Я просматривал «Зодчего» в поисках статьи, обещанной «рододендрону», но пока не нашел. Удивляюсь тому, что москвичам неизвестен этот способ выпрямления стен. Надо было сказать об этом Хамцеву, (также как и о замене дерева железобетоном).

Вот как будто и все, что я хотел пока сообщить Вам. Прошу прощения за бестолковость изложения — пишу сходу, не давая себе труда думать о том, что у меня получится!

Ваш: Ю. С.

1.9.1955

17.7.1955

Дорогой Сергей Александрович!

Отнести Ваши раскопки часовни на Мироносицком кладбище к числу редких событий никак нельзя, так-же как и все прочие описанные в Вашем письме события. Вам, наверное, известно что всякие любительские раскопки и «разведки» производимые без толку и надобности по памятникам Пскова всегда были обильны. В значительной степени они послужили уничтожению остатков псковской старины. Впрочем, такое впечатление о Ваших раскопках, как о любительском удовлетворении любопытства я вынес из Вашего письма, так как, как известно, самые раскопки не наблюдал. Может быть они производились толково и дали нужный богатый материал — тогда, конечно, это событие. Но я думаю всё-же что в дальнейшем мне следует воздержаться от сообщения своих работ Вам, так как если Вы начнёте все мои, очень скромные и осторожные, разведки проверять потом таким образом, то из всего этого вреда для памятников и их изучения будет немало. Впрочем, назвать это проверкой никак нельзя, так как прежде чем проверять чью-либо работу нужно с ней ознакомиться. Между тем, как совершенно ясно следует из Вашего письма, Вы если и ознакомились со статьей о часовнях, то весьма поверхностно, вернее ни на что не обратили никакого внимания, кроме того, что относится к Вундереру и толкованию его. Теперь я понял, почему у Вас не нашлось ни одного слова, ни одного замечания по существу всех моих рукописей, Вами «прочтённых»! я, конечно, не требую, чтобы все мои рукописи прочитывались Вами, как Вы негодовали, обвиняя меня в том что я «не хожу» в архивы Ленинграда в поисках псковского материала и «отговариваюсь» тем, что это не только невыполнимо для меня, но и не в моём профиле.

Как видите, сами Вы держитесь своего «профиля» не менее, а м. б. более меня, блюдете свою чистоту в этом отношении поразительно.

Мой совет: сдержатъ пока-что пыл, направленный к «восстановлению» всего облика «этого замечательного памятника» — это далеко не так легко, как Вам представляется и никаких реальных данных для успеха этого предприятия пока-что у псковской мастерской нет. Если бы Вы прочли мою статью, то увидели-бы из неё, что остатки шатра мною были обмерены в 1946 году и обмер этот (как и реконструкция часовни) имеется у меня. Кстати, для этого я не «снял» существующую крышу, а только её приподнял.

Если-бы я был в Пскове и даже работал-бы как реставратор, несмотря на то, что у меня есть проект реконструкции первоначального вида часовни, я-бы не стал предпринимать такого поспешного шага, как осуществление этого проекта. Для этого существует ряд серьёзных причин, главная для меня из них — необходимость вообще во всех реставрационных делах (там, где дело не идёт о возможной катастрофе памятника) проявлять максимум медленности, осторожности и всесторонней подготовленности.

Главная-же причина объективного порядка: полная невозможность провести эту работу в настоящее время по техническим причинам. Зато я надеюсь, что то, что существует — будет теперь более тщательно сохраняться, чем до сих пор, что, наконец будет дверь и фреска не будет отбиваться.

За обещанные синьки и фото — заранее благодарю! Приехать в Псков я, конечно, не могу, т. к. каждый день обязан дважды расписываться в книге явки и ухода, так-что жду Ва-

шего приезда, для того, чтобы побеседовать лично. То, что моё присутствие нужно во Пскове (постоянное, а не временное) — для меня не секрет, насколько оно могло бы быть полезным я представляю себе, так что с этим обращайтесь не ко мне, а к тем, кто не понимает этого. Вы-же поклонник периодической печати — вот Вам случай испытать свои способности — написать в «советскую культуру» или «литературную газету» о том что творится. Насколько я понимаю необязательно даже подписываться своей фамилией — никто не узнает о том, что это Вы написали.

На что, как мне кажется, следовало-бы нажать, пользуясь случаем, которого потом может и не представиться — на реставрацию Покровской башни. Если Ачебе такую мысль выдвигает — нужно её использовать и в процессе работы направить дело в нужную сторону — не только расчистки, но и полной реставрации и покрытия башни. Если бы удалось добиться реставрации и сохранения башен Окольного города и Запсковья — сохранение стен этих частей стало-бы возможным и реальным. Об этом пока нужно молчать, но всеми силами стремиться к этому. Именно потому я и считаю вопрос о Покровской башне очень важным и своевременным. При этом о Варламской башне необходимо совершенно не упоминать — а то можно испортить дело.

То, что Монгайту отказано — м. б. и к лучшему, т. к. раскопки на территории Довм. города нужно начинать не с «бухты-баракты», как-то, безусловно, получилось-бы у Монгайта, а с перспективой на сохранение результатов раскопок, на создание «псковской помпеи». Впрочем, это мое собственное, пока, мнение, но я надеюсь что оно может быть потом подхвачено кем-либо из людей сильных в мире сем.

Приехали мы в Питер благополучно, хотя дорога была довольно неважная, а в одном месте ехали по склону канавы, с креном в 45 градусов. Плохие места дороги ремонтируются, так-что думаю что к декабрю дорога снова будет в порядке. Впрочем, это не мешает ей снова расползтись в апреле-мае будущего года.

Нагрузка оказалась порядочной — задние места оказались заложенными багажом чуть ли не под самую крышу. Так-что если-бы Вы и имели командировку, всё-равно мы не смогли-бы Вас посадить.

В прошлую субботу выезжали на Сиверскую, провели там чудесно время, гуляли по лесу и спали две ночи в машине и пол-дня на сеновале. В общем, наш серко-минотавр бегают исправно и не жалит. Барыня гневается на Вас, за то что даёте читать мои произведения девицам (хотя-бы и с моего разрешения, но без её санкции!).

Какие мухи кусают Рододендрона? А чем ему заниматься ещё как не попытками подмазываться к власти имущим? Кто-то оборонил замечание о том, что Старое Вознесение «портит вид» в остальном уже «прекрасно оформленной» части квартала, вот он и лезет из кожи. Не требуется большой догадливости, чтобы понять в чём дело. Ведь чем-либо другим он лишён возможности заниматься.

Посылаю Вам выписанные из «Литературной газеты» стихотворение одной девочки-ученицы. Она его посвятила своей учительнице, заглавила «Учительнице» и дала напечатать в газету. Редактор нашёл необходимым выправить недостатки этого стихотворения и исправил везде «учительницу» на «учителя» и соответственно «она» на «он» «родная мать» на «отца» и т. д. (эти места подчеркнуты). После этой статьи в «Литер. г.» (она называется «слёзы ребёнка») желания писать в «Псковскую правду» у меня не прибавилось нисколько — не нахожу ничего увлекательного в слезах борзатого дяденьки, лучшие уж пусть плачут девочки.

О. К. говорит что она на Вас совсем не сердится!

Ю. С.

3.9.1955

Милый С. А. Н!

Очень уж Вы тонкой организации человек, что так реагируете на все нюансы моего настроения? Настроение моё очень быстро меняется, и потому я уже более не сержусь на Вас.

Что-же касается «допустить до ручки»? то на этот счёт у меня своё мнение, которого я придерживаюсь твёрдо: не люблю я целования ручек! Этикет этот устарел, также как торшеры, шлейфы, и проч. И сейчас это выглядит, как то смешно до нелепости. К Вашему стилю, возможно, подходит это, но уж к моему — никак!

У меня к Вам просьба дорогой Сергей Александрович. Пишите почаще Ю. М. Ваши письма его оживляют. Он ещё больше загрустил о Пскове. Он очень жалеет, что Вы, видимо, не собираетесь в свой отпуск побывать в Лен-де? Мы бы были очень рады Вашему приезду.

Пишите, пишите, пишите.

Я бы хотела получить от Вас новые частушки, которые писать Вы мастер.

С глуб. ув. к Вам

О. К. А.

15.9.1955

*Милый САН.
(прелестный бронтозавр!)*

Ваше письмо падишах перечитывал трижды, и особенно смеялся там, где Вы пишете о своей «Потылице». На Ваше фото смотрел два дня, не отрывая глаз.

Пишите, дорогой, чаще, буду Вам очень благодарна!

С глуб. уважен. К Вам *О. К. А.*

18.9.1955

Дорогой Сергей Александрович!

Не писал это время я не потому что опять захандрил — хандрой ещё пока не захворал, а просто пришлось работать. Теперь мне приходится (до октября) выполнять то, что нужно было сделать за год.

До сих пор всё никак не могли установить — что-же делать, а теперь, наконец, установили и требуют «выполнения» «плана». Вот я и сижу, пишу на службе все время, а, кроме того, нужно подготавливать те статьи, которые я Вам показывал, хочу их послать в Москву. Ходят разговоры о том, что нашу богодельню разгонят, но это ещё точно неизвестно. Как мы заказали фото с акварелей Мартынова? Насколько я понял, для этого необходим «личный контакт» с дирекцией МАИ и их фото — лабораторией. Разрешение на съёмку было получено одной нашей сотрудницей. Когда она уезжала в Москву я её снабдил соответственной бумагой и попросил похлопотать о разрешении в дирекции МАИ. Она это разрешение получила и узнала также что для фото — лаборатории нужно вместе с заказом, оформленным специальной грамотой выслать фото — бумагу (любую, но в достаточном количестве), а получить отпечатки нужно только лично. О исполнении заказа они написали, но пока к ним не зашли за отпечатками они их держали у себя и не выслали-бы до скончания века.

Т. о. для всего этого нужно обязательно быть кому-то в Москве, иначе они ничего не сделают. 15 отпечатков (пять сюжетов по 3 экземпляра) стоили немногим менее 70 рублей (стоимость посланной им бумаги сюда не входит).

Относительно Покровской башни — (в прошлый раз я забыл об этом написать) — сразу же от входа в башню со стороны церкви ещё на моей памяти сохранялись остатки внутренней лестницы подымавшейся вверх (очевидно в вышележавший ярус). Теперь никаких признаков этой лестницы (кроме, может быть, утонения стены, ещё заметного) нет. Но об ней не нужно забывать и в случае если дело дойдёт до реставрации — восстановить её.

О реформах, вернее о ожидаемых от них результатах, Вы написали здорово — О. К. не мало хохотала слушая это место Вашего письма.

Кстати говоря, у нас тоже возможно не полное прикрытие, а реформы и может-быть с такими-же последствиями — кто знает?

Считая Вас хорошим человеком, не знал я до сих пор, что натура Ваша не терпит пребывания в .стях — теперь буду знать о столь непомерной гордыне!

Большое спасибо за чудное фото! Держу его у себя на столе и люблюсь время от времени.

Остаюсь покорным Вашим слугою: А. Р. М.

19.9.1955

Бронтозавров принимаем со вторника 20 сентября с 6 часов 30 м. вечера и до любого времени.

Спать доисторическим чудищам разрешается на диване или на кровати (по выбору самого чудовища) можно спать даже на деревянном сундуке (будет больше напоминать родное логово). Никаких животных исторического периода (в т. ч. и котов) — не держим.

Ваши знакомые ихтиозавры: *ЮПС* и *ОКА*

19.9.1955

22.10.1955

Дорогой Сергей Александрович!

Пожалуйста, простите великодушно за нескорый ответ! Я был занят делами и не мог собраться с мыслями. За посланные вырезки очень большое спасибо! Сочинение Березкого меня не очень тронуло. Само по себе оно не произвело-бы на меня никакого впечатления, но я задумался над тем, чей «заказ» он выполнял. Думаю, что писать об этом Н. Н. Воронину не стоило-бы, а если писать, то скорее по всей «проблеме» моего использования, наконец, по назначению, определенному мне самой природой. Но, полагая, что для этого у Вас (вместе с Вашими «соратниками») нет всего необходимого материала, хотя-бы, например, биографических сведений по раннему периоду моей жизни. Да и стоит-ли?

Мой любимый девиз: «не откладывая на завтра то, что можно отложить на после-завтра». Попробуем пока следовать этому золотому правилу.

Вообще-же обстановка «работы» здесь несколько не улучшилась, пребывая здесь я тешу зря время и, несомненно, порчусь. Боюсь что, в конце концов, окончательно потеряю квалификацию.

Получить материал по часовне Мироносицкого кладбища было-бы не худо, т. к. это, может быть, прибавило что-то к моим обмерам и обследованию, которые я делал на скорую руку, а чертежи реконструкции часовни я хочу закончить в ближайшее время.

В Ваших кастрированных и подвергнутых обрезанию статьях ничего для злоехиуства я не нашел и потому, к большому сожалению, приходится обходиться без одного.

Привет Вам от О. К!

Ю. С.

4.11.1955

Многоуважаемый бронтозавриус!

Почитаем долгом своим принести Вам наши поздравления в связи с годовщиной Великой октябрьской социалистической революцией и засвидетельствовать наше глубочайшее почтение представителю далёкой геологической эпохи!

Дня два тому назад были мы с О. К. в кино и смотрели «Терезу Ракэн». Обязательно сходите посмотрите этот фильм — не пожалеете. Правда, других — «Беглецов» и «Красное и чёрное» мы ещё не видели. Но я думаю что лучше «Ракэн» фильма не может быть. Никаких новостей нет, никуда не хожу, никого не вижу (собираюсь все-же повидать Гроздилова).

Ю. С. и О. К.

10.12.1955

Милый «Бронтозавр»!

Что заставляет Вас так долго молчать? Может быть Вы больны? Или выдерживаете характер и ждёте, когда «Падишах» напишет Вам первый? Не ждите, и напишите сами: какие у Вас новости в гор. Пскове, и как Вам работается на новом месте? Новое место — это реставрационн. Мастерская, куда по словам Всеволода-Гавриила, Вы должны были перебраться? Если Вы туда перебрались, то, стало быть, Вы теперь в курсе дел всех любопытнейших работ по Вашей мастерской и могли бы многое рассказать, а Вы молчите. Очень загадочно...

Желаю Вам дорогой «Бронтозаврик» всяческих успехов в Ваших делах и здоровья, здоровья и здоровья! Пишите. Жду с нетерпением!

Поздравляю с наступающим О. К. А. Новым 56-м годом. Пусть исполнится всё, что Вы пожелаете в этом Новом году.

Процветая во граде Пскове, наслаждаясь пребыванием в недрах реставрационной мастерской, Вы, султан турецкий, теперь и не вспоминаете несчастных смердов, изгнанных из Пскова за неприятный вид физиономии, старцев скопских, влачащих печальное существование вдали от сердца земли — Пскова; не смеющих и мечтать о псковской земле, а тем более о реставрационной мастерской. Всё понятно! Но не стоит быть таким жестоким к малым мира сего! Сядьте-ка за Ваше седалище и начертайте высокоумную грамотку смердам, изнывающим от тоски. Все забыли нас! Всеволод-Гавриил обещал прислать план часовни (мне он нужен, т. к. я его не домерил), но обещание своё не выполнил. Не могли-ли Вы потом помочь! Жду вестей!

Ю. С.

14.12.1955

Псковскому шаху низайшие его слуга шлёт свои несчетные полоны! Во-первых я ничего в обороне крепостей не смыслю, но даже мне совершенно ясно, что в XVI веке как в обороне, так и в осаде и подготовке штурма чрезвычайно большую роль играла и не могла не играть артиллерия, и в частности система огня. Ясно как божий день что наиболее серьёзным обстоятельством, из тех, которые учитывались нападающими, была возможность вести огонь не только с фронта, но и с фланга, почти с тыла. Именно поэтому и было избрано место у Покровской башни Баторием, а у Варламской Густавом-Адольфом. Насколько это играло свою роль следует хотя-бы из того известного факта что к моменту штурма псковичи так и не успели построить дополнительную деревянную стену из-за губительного огня с Завеличья. Ваши, сиятельный шах, хитрые измышления насчёт грунтовых вод применены не к тому, к чему их можно было-бы применить, если с ними вообще согласиться. Я хочу сказать, что Баторий и не собирался устраивать подкопы под стены, а Густав и не пытался это делать, а, как известно (опять-таки) оба они устраивали траншеи и земляные укрепления для подхода к стенам и установки пушек. Без этого уже никак было обойтись. Казалось-бы что об этом следовало скорее бы Вам вспомнить, чем о подкопах. Но, однако сухих мест, на которых можно было-бы возводить земляные укрепления и рыть траншеи было достаточно, но избраны были лишь те места, которые позволяли построить наиболее выгодную для нападающего систему огня.

Я, о благородный шах, не смею противоречить Вашей светлости и критиковать Вашу лёгкую мысль, порхающую как птица и смело взлетающую на любое дерево, но думаю что если участки избранные для подготовки штурма и были более сухи, то это могло служить лишь дополнительным обстоятельством, которое может быть учитывали, а может-быть даже и не особенно учитывали. Вы-же сделали из него решающее обстоятельство, да ещё, мало того! — отбросили всё остальное, отбросили действительно решающее обстоятельство, которое и Вам самому известно — только лишь из «оригинальности». Это совсем не то, что следует делать в таких случаях, а что следует — не смею указывать, ибо сер и груб смыслом.

По своей серости и крайнему легкомыслию, как мне кажется, я заслуживаю снисхождения и надеюсь, что буду прощён за дерзкие мысли.

Умоляю помочь мне в одном деле. Обмеряя часовню на Мироносицком кладбище я почему-то забыл промерить план её в середине и теперь из-за этого не могу закончить план. Вс.-Гавр. Ни хера мне не пришлёт, я это чувствую. Одна надежда на Вас! Всё, что обведено сплошной линией у меня промерено, а пунктиром показано то, чего у меня нет. Очень прошу смилостивиться!

Кроме того мне нужны еще такие данные:

расстояние «а», т. е. длина раскопанной стенки до её конца (я её до конца не раскапывал) на каком уровне (относительно порога входа в часовню) кончается стенка — выше, ниже и сколько сантиметров. Ещё раз прошу помиловать!

Ю. С.

Жду самородный камень!

21.12.1955

*Многоумному Отцу Сергию скопскому недостойного смерда
старчишки Ягорки Мутноумного
послание.*

Яз многонепотребный и звероподобный получил душеспасительную грамоту твою, отче, и пролил многие покаянные слёзы и со многими рыданиями молю прощения за грехи! По серости и животномуию, аз не возмог разобраться во многой премудрости посланий твоих, отче, и даже не возмог догадаться о том, о чём ты думал и предполагал между строк, как само собою разумеющихся истинах, проливая свет знания на темноту мою относительно мокрости и сухоты почвенной! Не узрел я худоумный что все премудрости превзойдены и тобой превознесены и несть необходимости писать тебе о таких вещах как огонь пушечный, земляные траншеи, укрепления, землянки и окопы, а токмо лишь материи высокой и предостойной касается твой уме, такой как воды текущие и подкопы ползущие. Бию в грудь себя и власы остатки изрыгаю из главы и прочих членов тела моего, иссохшего от отчаяния покаянного, за то, что изрыгал слова «для оригинальности», — понеже не для оригинальности а для премудрости многие и для складности мужи многоумные о второстепенном глаголют, а о главном замалчивают. Каюсь и каюсь — сужу о всём по себе, а аз есмь сер. Преисполнился аз воображения, будто градоёмство есть дело сложное и многостороннее и многообразные хитростями устроено. Мнил, что градоёмцы должны ко граду приступить крепко, укрепившимся различными крепостями земляными, укравшимся укреплениями, зарывшимся во окопы и землянки установивши пушки и пищали. Мнил, что первое дело есть градоёмству — стены проломить и путь во град проложить огненным боем, ломовым огнем. Мнил, что градоёмцам великое дело есть держать под тыл обороняющихся, наблюдать за ними, не давать им укрепляться — и многе ещё мнил мнения. Горе мне мутноумному, все сие зря, сии мысли были греховные, а мыслить мудрый муж должен токмо о водах текущих и подкопах ползущих!!

Аз уподобихся окаянному из окаянных прегордым псам Обатуру и Адофлию, которые думали град Псков взять стены проломив и в город ворвавшись, а не по подкопам в город пробираться. Ох мне, как это я грешный поддался всем свидетельствам, гласящим что Обатур тогда токмо на подкопы пустился, когда у него ни х... не вышло со всеми попытками ворваться в город и он начал изобретать всякие пакости.

Не знал я, как ты многоумреющий отец, что врут все источники и думал Обатур только лишь о подкопах с самого начала осады. Не мне скотоумному, сракомыслящему старцу, окаянностью подобному псам Обатуру и Адофлию, о стенах псковских и башнях рассуждати, бытии мне посрамлену от выев псковских, бытии како Адофлию облитым со стен псковских калом велим кипящим вонючим!!!

Обвалявшись во кале незнания и прегордости, думал аз, что подкопами широких брешей, пригодных для штурма большими колоннами, не сделаешь, что для расчистки дороги через стены в XVI веке нужен был массивованный и продолжительный огонь артиллерии, а взрыв подкопа скорее нужен для создания замешательства и временного устранения пре-

пятствия на узком участке бороны, чтобы воспользовавшись моментом попытаться ворваться хотя-бы и через узкую щель, или неудобный проход. Мнил аз, что на участке, где стены уже были разбиты, замешательство вызванное взрывом подкопа дало-бы большие преимущества нападающим.

По мутноумию мнил аз, что на других менее ударных участках возводить траншеи, окопы, земляные укрепления и т. д. и пытаться заново пробивать стены имея явно недостаточное количество пороха было-бы неразумно — понеже не знал что мужи многопремудреющие полагают что можно на любом участке без подготовки укреплений и соответствующего тыла просто взорвать подкоп и бежа ко градским стенам за пять поприщ ворваться во град, сер есмь как штаны пожарного! Каюсь — не знал аз что огонь осадной артиллерии именуется кинжальным, думал что кинжальный огонь — есть короткий неожиданный огонь из засады на очень близком расстоянии по живой силе. Каюсь — погряз в серой серости! И ещё каюсь — не знаю когда Покровская башня построена, хотя читал по повести о приходе Обатура на град Псков, что и Покровская и Свинорская башни обе были разрушены в 1581 году.

Сер аз, глупоумен и недостоен, не мне читать превозмудрейшие словеса «самокамени» и сознаю свою недостойность и дикомыслие!

Возри отче со снисхождением на смерда диковалающего и не лиши помилования, ибо блаженны те, кто и скоты милует!

Старец Ягорка кощавый.

1956 г.

13.2.1956

Дорогой Сергей Александрович!

Очень большое спасибо за план площади! Таких интересных вещей я от Вас давно не получал! Вчера вечером пробовал рисовать по этому плану перспективы площади и три перспективы уже придумал. Думаю что можно сделать не три, а больше и еще попробую. Одну из них, с Приказной палатой на самом видном месте, нарисовал уже в надлежащем размере для перевода на литографический камень. О. К. её одобрила. Литографии, конечно, будут не скоро, полагаю что не раньше лета, так что Вы ещё до этого сможете всё-таки побывать на Мироносицком кладбище!

У нас тут было печальное происшествие: похоронили Николая Николаевича Белехова, главного охранителя Ленинградских памятников, за эти памятники положившего свою буйну голову. Мы с О. К. проводили его до последнего его пристанища. Ему было всего пятьдесят лет, человек он был от природы здоровый, но подорвал своё здоровье постоянными волнениями. Кроме того, несомненно, немало поспособствовали его преждевременной смерти врачи, лечившие его от нервной болезни.

Несмотря на самоотверженную его работу, он не получил достаточного признания «сильных мира сего» и после смерти. Все хлопоты о разрешении похоронить его на Литераторских мостках не привели ни к чему и похоронили его на Серафимовском кладбище. А ведь это был выдающийся в области охраны памятников деятель.

Меня совсем не занимает вопрос о каких-либо почестях, или похоронах на необыкновенных кладбищах — единственно что хотелось бы: дожить хоть некоторую часть оставшихся ещё дней как подобает человеку. От Пскова я никогда не отказывался и не откажусь. Псков для меня если не всё счастье в жизни, то по крайней мере пол счастья, но я не вижу никакой возможности не заниматься Псковом серьёзно, ни чувствовать себя человеком в Пскове, среди персонажей в окружении и в руки которых я там попаду. Поэтому вполне естественно думать об окончании живота своего не в Пскове и нечего тут удивляться!

Ещё раз благодарю за интересный материал!

Ваш: Ю. С.

14.4.1956

Сергей Александрович!

Благодарю за очень интересный материал присланный Вами. Когда-нибудь, когда придут возможность, попытаюсь что-нибудь из этого изобразить. Рисовать реконструкции псковских дворов и улиц я пока перестал — их достаточно для того чтобы из них составить альбом, нужно лишь теперь их перерисовать на камни. Хожу в литографию два раза в неделю, кое-что уже нарисовал (камней 7–8). Думаю сделать альбом рисунков из двадцати. В остальном же Псковом пока не занимаюсь, занят всякими текущими делами, а в будущем, месяце в мае, наверное и литографию заброшу, так как надеюсь на «халтуру». Псков, как-бы удаляется от меня в туманную даль.

Вероятно, это к лучшему. Всё-же всегда очень рад Вашим письмам и посылкам вроде последней, а также жду обещанных размеров часовни в плане, за которые буду отплачивать, как обещал. Но торопить Вас не тороплю, т. к. известно — тише едешь, дальше будешь!

Ваш: *Ю. С.*

16.7.1956

Бывший старец скопский, а ныне подтянутый молодой человек поблескивающий глазами, бьёт челом низко боярину псковскому и воеводе премилостивому Сергею Александровичу!

А ныне аз, смерд и старец мотыльный, изобрел способ како омолодеть сколько захочешь, и како поблескивать глазами и сидеть аки птица на крестех церковных и менять цвет бороды с сивого на рыжий, с рыжего на сивый и с сивого на русый. И аз грешный теми хитростями прокормлюся до самые смерти (ежели токмо помру при таких способностях) и ныне мне псковские бояре не указ и псковские воеводы и дьяки и соцкие и десяцкие — ни в ..., и я сам себе боярин и Псков мне везде, где сам захочу!

Ю. С.

P. S. литографии пока остались не отпечатанными, но есть надежда что зимой их всё-же оттиснут.

В Псков ехать не собираюсь, м. б. если О. К. очень захочет, но и в этом случае на пару дней, не более. Но это — вряд-ли.

26.12.1956

Боярин милостивый наш Сергей Александрович! Не прогневайся, прими от недостойного смерда, плотника и кровельщика питербрюхского Ягорки поздравление с Новым годом и пожелание успехов и благ всяких здравия и долголетия!

Ю. С.

1957 г.

10.7.1957

Сергей Александрович!

Расстервационная мастерская в том составе и виде, в каком она пребывала в последние 10 лет, на мой взгляд, только и заслуживала того чтобы её разогнали. Она давно уже была паралистиком и мир праху её. Я надеюсь что на этом не кончится всякая работа по реставрации памятников, а организация её по новому могла-бы освежить это дело, по-моему уже безнадежно загнившему и принявшему уродливые формы в Пскове. Конечно, разогнали мастерскую не из соображений защиты памятников но, как известно, пути Господни неисповедимы и то от чего ждешь проказ приводит к пшику, а от чего готовишься к пшику может совершенно неожиданно дать какой-то прок. Так я смотрю на это, и не только потому что мне не было доступа в Псковскую реставрационную банду, а вообще у меня такой взгляд. Наконец, я вспоминаю о довоенных годах, когда охрана памятников (и реставрация) лежали

на том-же Отделе Культуры (точнее Музее) и шла реставрация памятников, в которой и я принимал участие. В такой организации были свои положительные стороны и не реализованные тогда, но очень хорошие возможности. Главное — дело это смыкалось с музейной работой, приобретало характер музейной деятельности, всякие планы, необходимость уподобляться «настоящей» строительной организации — не в такой степени вредили, как в «расстервационном» заведении, где, по моему мнению, всё разедала эта необходимость уподобляться «настоящим» строителям. Небольшие объёмы работ, растянутые сроки, а, главное, возможность их растягивания — это очень хорошие условия для серьёзной работы по реставрации.

Что толку в «грандиозной» деятельности бывших псковских расстерваторов, если она не дала ни одного законченного и хоть сколько нибудь приемлемо сделанного объекта? Я-бы предпочёл чтобы было сделано всего два или три «объекта», но по-настоящему.

В общем, усопшего я не жалею, но не уверен в том что псковские деятели из отдела культуры и из Музея (который, по моему мнению, не должен отстраняться от этого дела ни при каких обстоятельствах) сумеют извлечь из создавшегося положения то, что можно было-бы извлечь. Вот в этом-то и беда.

Важны не вывески, а люди.

Я все вожусь со шпилем. Вся молодёжь уехала на Кавказ, а я остался один и сверлю дырки и устанавливаю болты на шпиле. Но через недельку все будет кончено и мы сможем, наконец, «бросить кости» и «рвануть когти». За работу на шпиле Олегу дали орден «знак почёта», мне дали медаль «за трудовую доблесть» — серебряную на серой ленточке. Немногие из людей достойных получили награды, даже хотя-бы медали, а нас всё-же отметили. И те сто рублей, о которых О. К. писала что мы «отказались» от них мы взяли с удовольствием, как знак признания наших заслуг, хотя для семи человек (а «их было семеро») это, конечно, мало-вато. Дома всё продолжаю ремонт, который развивается по закону горного обвала: началось с того, что О. К. попросила покрасить стены в комнате, потом я уже сам решил покрасить их в кухне, а также сделать и полы, потом нашёл что надо уж белить и потолки, а полы надо шпаклевать. Шпаклёвку начал с пятью кило шпаклёвки, а потом решил делать её как следует и вот уж у меня пошел пуд шпаклёвки. Зато уж пол будет гладкий, значит будет чистый. Когда у нас в комнате чисто и светло, светит солнце в окна, «псковская» печь и шкаф с моей росписью в том-же «псковском духе» блестят — делается легче.

Я подумываю о том, что может-быть, Вам не хватает именно уютной домашней обстановки. Хотя еще я не удостоился обозревать Ваши покои, но они мне представляются на подобие тех, что были в Помёткиной слободе — этакое жилище современного анахорета. Беспорно это действует на человека плохо.

Развлекаемся с О. К. воробьями — устроили им ещё зимой кормушку на нашем подоконнике и регулярно три раза в день кормим их. Прилетают и голуби. Когда мы уедем, воробьям будет туго и они будут с нетерпением ожидать нашего возвращения.

О. К. вчера уехала на пять дней в Вильнюс и Каунас с экскурсией из Союза архитекторов и моё положение теперь хуже воробьиного.

17.7.1957

О. К. вернулась и заставляет меня отослать письмо — не даёт мне с ним покоя. Ремонт ещё не кончен — пол не крашен. Как только он будет готов — запрежём серого и до свиданья Ленинград. Привет от О. К.

Ю. С.

1960 г.

29.5.1960

Дорогой Сергей Александрович!

Сперва Вы порадовали меня, сообщив, что вышли из больницы, но потом зато огорчили и глубоко возмутили сообщением о том, что начали курить! Я не обладаю столь глубокой

мудростью, чтобы постигнуть причины Вашего поведения, для меня оно, кажется, останется навсегда непостижимым!

Одобренная в свое время Вами статейка действительно оттиснута и я имею приятную возможность подарить её Вам с приличествующим автографом. Статья о часовнях отвергнута, по причинам Вам уже известным, тоже самое и со статьёй о «хлебопекарне». Таким образом, моя деятельность писательская, повидимому, иссякла, во всяком случае на некоторое время. Также и с художественной, по крайней мере с рисованием Пскова. Взамен этой бесполезной обузы, во время свободное от занятий связанных со службой (они меня обмеряют не только в институте, но и дома), я перешёл на более полезные дела: делаю подушки для дивана, коврики, иногда занимаюсь росписью предметов домашнего обихода. Коврики исполняю с аппликацией из разноцветных материй и с росписью масляными красками по трафарету.

Совершенно «зашиваюсь» со всеми этими делами и ничего не успеваю, ибо не обладаю такой прытью, как бывало. Такой способностью, как Ваша — моментально всё узнавать и молниеносно отписывать своим корреспондентам — не обладаю абсолютно, стал медленно соображать и действовать безо всякой прыти. Со всякого рода знакомыми девицами и дамами совсем не разговариваю, ибо уже не могу им этим доставить ни малейшего удовольствия. Повидимому, и особам слабого мужского пола от моих тугоумных мыслей тоже никакой приятности быть не может, и потому не мучаю их тоже. М. К. Каргер, кажется, считает даже возможным не брать меня с собою, ибо гораздо интереснее заменить меня девицей в возрасте от 20 до 25 лет с архитектурным образованием. Таким образом, возможно, я буду оставлен в распоряжении одной только О. К. и поеду туда, куда она найдет нужным меня командировать.

Л. А. напрасно будет торжествовать: он должен-бы понимать что его протесты не подействовали-бы в течение столетия и больше. Дело в том, что хотя иностранцев и решено не пускать в Псков (чтобы они не сошли с ума от восторга), а провозить на пароходике по Великой от Мирожки до Снятной, но от них можно ожидать всего. Вдруг какой-нибудь иностранец забьется где-нибудь в щель в Мирожском монастыре и вылезет ночью, перейдёт мост и попадёт в Псков. Там ему срочно захочется в уборную и его пошлют к церкви Настасии и иностранцу придется пользоваться удобствами рядом с таким неудобством как недоломанная церковь шестнадцатого века! Ужасная ситуация! Он может обидеться! А Л. А. — обыкновенный советский человек — он может с..ть где угодно и на его вопли никто никакого внимания не обращал, не обращает и не будет обращать.

Спасибо, что не забываете! О. К. и Д. я Вам писал, так-что напрасно обвиняете меня! Вы просто забыли об этом. Другое дело что до сих пор я не посылаю оттиска — но их я лишь недавно получил и теперь исправляю это упущение. Надеюсь, что буду направлен в Псков и смогу посидеть с Вами в Вашей келье!

Прошу не унывать и не поддаваться болячкам!!!

Ю. С.